

СКОВАННЫЕ ЛЬДОМ СЕРДЦА

Джеймс Кервуд

Джеймс Кервуд

Скованные льдом сердца

«Автор»

2026

Кервуд Д.

Скованные льдом сердца / Д. Кервуд — «Автор», 2026

Далеко на канадском Севере, там, где реки скованы льдом, а морозы испытывают на прочность даже самых сильных духом, встречаются два человека, между которыми лежит пропасть недосказанности и обид. Их сердца, как и земля вокруг, кажутся навсегда замёрзшими — израненные прошлым, они боятся впустить друг друга снова. Но среди ледяных просторов и суровой красоты дикого края закаляется не только характер, но и чувство, способное растопить самый крепкий лёд. Джеймс Кервуд создаёт пронзительную историю о втором шансе, гордости и тепле, которое можно найти даже там, где, кажется, властвует вечная зима.

© Кервуд Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. САМАЯ СТРАШНАЯ ВЕЩЬ В МИРЕ	5
Глава II. БИЛЛИ ВСТРЕЧАЕТ ЖЕНЩИНУ	9
Глава III. «В ЧЕСТЬ ЖИВОГО»	12
Глава IV. ОХОТА ЗА ЧЕЛОВЕКОМ	17
Глава V. БИЛЛИ ПРЕСЛЕДУЕТ ИЗАБЕЛЛУ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джеймс Кервуд

Скованные льдом сердца

Глава I. САМАЯ СТРАШНАЯ ВЕЩЬ В МИРЕ

На мысе Фелертон, в тысяче миль прямо на север от цивилизации, сержант Вильям Мак-Вей дописывал обломком пера последние слова полугодового отчета комиссару северо-западного округа королевской стражи в Регине. Закончил он такими словами:

«Прошу сообщить, что я приложил все усилия к поимке убийцы Скотти Дина. Я еще не отказался от надежды найти его, но думаю, что он ушел с моей территории и, вероятно, находится где-нибудь в пределах форта Черчилла. Мы обыскали местность на триста миль к югу вдоль берега Гудзонова залива до Эскимосского мыса и на север до пролива Вагнера. В течение трех месяцев мы сделали три обхода на запад от залива и прошли в общем 1600 миль, не встретив этого человека и не услышав ни слова о нем. Я почтительно предлагаю установить тайный надзор патрулей к югу от открытой равнины».

— Так! — сказал громко Мак-Вей, выпрямляя со вздохом облегчения сгорбленные плечи. — Дело сделано!

В углу маленькой, испытанной бурями и метелями хижины, представительницы закона на краю света, констебль Пелетье утомленно поднял больную голову со скамейки.

— Наконец-то, Мак, — сказал он. — Дай ты мне хоть глоток воды и пристрели этого проклятого завывалу! Воеет все время не переставая, точно смерть за мной пришла.

— Нервничаешь? — спросил Мак-Вей, потягиваясь сильным молодым телом и с удовольствием поглядывая на бумагу. — А что, если бы тебе пришлось два раза в год писать эти штуки? — он указал на отчет.

— Ну, он не длиннее писем, что ты пишешь той девушке...

Пелетье спохватился. Наступила минута неловкого молчания. Потом он решительно проговорил, протягивая руку:

— Прости меня, Мак. Это все лихорадка. Я забыл в эту минуту, что ты... что между вами... все кончено...

— Не беда, — сказал Мак-Вей с дрожью в голосе, идя за водой.

— Видишь ли, — прибавил он, возвращаясь с жестяной кружкой, — отчет — это совсем другое. Когда приходится писать самому Великому Моголу, это как-то действует на нервы. Ведь год у нас был скверный, Пелли. Мы гонялись за Дином и упустили этого китолова. И... черт возьми, я совсем забыл упомянуть про волков!

— Напиши в приписке, — посоветовал Пелетье.

— Приписка на такой бумаге! — вскричал Мак-Вей, нерешительно поглядывая на свое писание. — Нечего и пульс щупать, Пелли. Ясно, что у тебя лихорадка. Ведь что выдумал!

Он говорил весело, стараясь вызвать улыбку на бледном лице товарища.

— Нет, пульс мой щупать незачем, — повторил тот. — Это не болезнь, Мак. Не болезнь в обычном смысле слова. Это в мозгу... вся болезнь там. Подумать только — девять месяцев здесь и ни разу ни одного белого лица, кроме твоего! Девять месяцев ни звука женского голоса! Девять месяцев все тот же самый мертвый серый мир кругом, то же северное сияние, шипящее на нас каждую ночь точно змея, те же черные скалы, смотрящие на нас, как они смотрели миллионы столетий... В этом есть, быть может, величие, но больше ничего. Пусть мы герои, но об этом никто не знает, кроме нас самих и шестисот сорока девяти человек в северо-западном королевском округе. Боже, чего бы я ни дал, чтобы увидеть женское лицо!.. хоть на мгновение

коснуться руки! Лихорадка сейчас же оставила бы меня, потому что эта лихорадка от одиночества, Билли, — род сумасшествия. Моя голова разламывается от него.

— Полно, полно, — сказал Мак-Вей, взяв за руку товарища. — Бодрись, Пелли. Думай о будущем. Еще несколько месяцев, и нас сменят. И тогда, подумай, какой рай откроется перед нами. Мы будем наслаждаться им гораздо больше, чем другие, так как они никогда не пережили того, что мы. И скоро я привезу тебе письмо от... от той девушки...

Лицо Пелетье просияло.

— О, какое счастье! — вскричал он. — Там должно быть много писем от нее — не меньше десятка. Она давно ждет меня, и она — верная Красная Шапочка до глубины своего дорогого сердечка. Ты ведь отослал мое последнее письмо?

— Да.

Мак-Вей сел опять к маленькому грубо сколоченному столу и приписал к своему отчету:

«Пелетье болен каким-то странным расстройством головы. Иногда я боюсь, что он сойдет с ума, и, если он останется жив, я советую перевести его скорее на юг. Я еду в Черчилл за лекарствами на две недели раньше обычного времени. Я хочу еще прибавить несколько слов к тому, что я сообщал о волках в моем последнем отчете. Мы несколько раз видели их стаями от пятидесяти до ста штук. Последней осенью стая волков напала на стадо странствующих канадских оленей, в пятнадцати милях от залива, и мы насчитали сто шестьдесят убитых животных на пространстве менее трех миль. По моему мнению, волки убивают каждый год не меньше пяти тысяч оленей в этом округе.

*Имею честь оставаться, сэр, Вашим покорнейшим слугой,
Вильям Мак-Вей, сержант, заведующий постом».*

Он сложил отчет, положил его вместе с другими сокровищами в непромокаемую резиновую сумку, которая укладывалась в дорожный мешок, и вернулся к Пелетье.

— Мне страшно неприятно оставлять тебя одного, Пелли, — сказал он. — Но я быстро съезжу — четыреста пятьдесят миль по льду я прокачу в десять дней. Потом десять дней назад, ну, самое большее — две недели, и ты получишь и лекарства и письма. Ура!

— Ура! — ответил Пелетье.

Мак-Вей отвернулся к стене. Что-то подкатило ему к горлу и мешало глотать, когда он пожимал руку Пелетье.

— Смотри-ка, Билли, неужели это солнце? — вскричал вдруг Пелетье.

Мак-Вей заглянул в единственное окошечко хижины. Больной сполз со своей скамьи. Оба они минуту стояли перед окошком, глядя на юго-восток, где на свинцовом небе появился тонкий золотисто-красный ободок.

— Это солнце, — сказал Мак-Вей таким голосом, каким произносят молитвы.

— Первый раз за четыре месяца, — вздохнул Пелетье.

Точно умирающие от голода впились они оба в окно. Золотой свет сиял несколько минут, потом погас. Пелетье вернулся на свою скамью.

Полчаса спустя, четыре собаки, санки и человек быстро мчались среди мертвого и безмолвного сумрака арктического дня. Сержант Мак-Вей направлялся к форту Черчиллу, за четыреста с лишним миль.

Нет более пустынного пути в мире, чем путь от одинокой, обвеянной выюгами хижины на мысе Фелертон до форта Черчилла. У этой хижины есть только одна соперница на всем Севере — другая хижина на острове Гершеля у губы Фирт, где двадцать один деревянный крест отмечает могилы двадцати одного белого человека. Но на остров Гершеля заходят китоводы. Между тем у мыса Фелертон они не бывают никогда, разве случайно или с какими-нибудь противозаконными Целями. Именно на Фелертоне люди умирают от самой страшной вещи в мире — от одиночества. В этой хижине люди сходили с ума.

Мрачные мысли угнетали Мак-Вея, когда он направлял свою Упряжку по льду на юг. Он боялся за Пелетье. Если бы Пелетье удалось хоть изредка видеть солнце!

На второй день он остановился около запаса рыбы, который они сделали ранней осенью для корма собак. До второго запаса он доехал на пятый день, а шестую ночь провел в эскимосской юрте на Эскимосском мысу. К вечеру девятого дня он прибыл в форт Черчилл, проезжая в среднем по пятидесяти миль в день.

Когда люди являлись с Фелертон, они больше походили на мертвецов, чем на живых людей, если они отваживались на это путешествие зимой. Лицо Мак-Вея совершенно облупилось от ветра. Глаза покраснели. Судороги сводили его, как бегуна после пробега. Он проспал, не шелохнувшись, двадцать четыре часа в теплой постели. Когда он проснулся, то с яростью накинулся на старшего офицера, давшего ему проспать столько времени. Он съел три обеда и с быстротой молнии закончил все свои дела.

Сердце его преисполнилось радостью, когда он снова достал из мешка девять писем для Пелетье, надписанных одним и тем же тонким девическим почерком. Для него самого не было ни одного — то есть ни одного в таком роде, как получил Пелетье. И болезненное чувство одиночества сжало ему грудь.

Он тихонько засмеялся, решив нарушить закон. Он распечатал одно из писем к Пелетье, последнее, и спокойно прочитал его. Оно было полно нежной прелести девической любви, и красные глаза Мака наполнились слезами. Потом он сел к столу и написал ответ. Он рассказал девушке о Пелетье и сознался, ей, что распечатал ее последнее письмо.

В его письме было важно одно — он писал, какой бы был великолепный сюрприз для больного (только вместо больного он написал одинокого), если бы будущей весной она приехала в Черчилл и вышла за него замуж. Он запечатал письмо, передал начальнику пакет, уложил лекарства и припасы и приготовился к обратной дороге.

В это самое время в Черчилл явился метис, охотившийся за белыми лисицами около Эскимосского мыса и исполнявший, иногда некоторые поручения для поста. Он принес известие, что в десяти милях к югу от реки Магузы видел белого человека и белую женщину. Эта новость взбудоражила Мак-Вея.

— Я останавлиюсь у эскимосов, — сказал он начальнику. — Надо расследовать это. Я никогда не слышал о белой женщине севернее шестидесятого градуса в этой стране. Это, наверное, Скотти Дин.

— Не слишком похоже, — возразил начальник. — Скотти высокий, прямой, сильный человек. А Куляг говорит, что тот человек не выше его ростом и ходит сгорбившись. Но, во всяком случае, если там есть белые, это интересно разузнать.

На следующее утро Мак-Вей выехал на Север. Вечером на третий день он был в эскимосской деревне, состоящей из полдюжины юрт. Вождь ее, Бай-Бай, ничего не мог сообщить. Мак-Вей дал ему фунт ветчины, и в благодарность за великолепный подарок Бай-Бай сказал, что не видел белых людей.

Мак-Вей дал ему еще фунт, и Бай-Бай прибавил, что и не слышал ни о каких белых людях. Он смотрел на Мак-Вея безжизненным взглядом моржа, пока Мак-Вей объяснял ему, что на следующее утро пойдет в глубь страны на поиски белых людей, о которых он слышал. В эту ночь среди снежной метели Бай-Бай исчез со стоянки.

Мак-Вей оставил собак в эскимосской юрте, а сам на рассвете арктического утра, которое немногим лучше ночи, отправился на лыжах к северо-западу. Он собирался идти в этом направлении, пока не пересечет пустынную равнину, а потом описать широкую дугу, которая приведет его на следующую ночь опять к эскимосскому лагерю.

Его сразу закрутила метель. Он потерял следы лыж Бай-Бая за сто шагов от юрт. Весь этот день он искал в защищенных местах какие-нибудь признаки стоянки или следы саней. К

середине дня ветер стих, небо прояснилось и в наступившем затишье мороз так усилился, что деревья трещали с грохотом ружейных выстрелов.

Он остановился разложить костер из хвороста и поужинал, когда над головой у него начали загораться звезды. Настала светлая ясная ночь. К югу далеко от него простиралась полоса лесов. К северу на триста миль леса не росло. На этой полосе не было никакой жизни, а, следовательно, не могло быть и никаких звуков. На западе длинным пальцем в десять миль шириной протянулась голая равнина, и ее должен был пересечь Мак-Вей, чтобы достичь лесистой местности по ту ее сторону.

Именно на этой равнине он больше всего надеялся найти следы. Окончив ужин, он закурил трубку и сел с ней спиной к костру, всматриваясь в пустую равнину. Неизвестно почему, он испытывал странное и неприятное волнение; ему хотелось, чтобы хоть одна из его усталых собак была здесь с ним.

Он привык к одиночеству. Он смеялся над такими вещами, которые сводили с ума других людей. Но на этот раз с ним происходило что-то, чего он никогда раньше не знал, что-то пробирало его до самой глубины души, и пульс его бился быстрее. Он думал о Пелетье, лежащем в лихорадке, о Скотти Дине и о самом себе. В сущности, большая ли разница между ними тремя?

В отблеске огня перед ним медленно возникали картины. Он видел Скотти, человека, за которым охотятся люди, человека, ведущего напряженную борьбу, чтобы спасти себя от виселицы. Потом он видел Пелетье, умирающего от болезни, вызванной одиночеством. А за ними двумя из мрака выступило на мгновение, точно бледная камья, еще одно лицо — лицо девушки. Но оно сейчас же исчезло. Втайне от самого себя он надеялся, что она все-таки напишет ему. Но она забыла его.

Он вскочил на ноги с тихим смехом, радостным и грустным в то же время. Он вспомнил о верном сердце, ожидающем Пелетье. Привязав лыжи, он побежал по равнине. Он бежал быстро, внимательно глядя вперед. Ночь становилась светлее, звезды горели ярче. Скрип его лыж был единственным звуком, нарушавшим тишину, кроме тонкого, однообразного свиста северного сияния в небе, который напоминал ему визжащий звук стальных полозьев по твердому снегу.

За отсутствием звуков ночь над ним начала наполняться призрачной жизнью. Его тень кивала и гримасничала перед ним, и кривой куст, Казалось, шевелился. Глаза его быстро и вопросительно обежали все вокруг. Он убеждал себя, что все равно не увидит никого, но какой-то непонятный инстинкт пробуждал в нем подозрительность.

Через определенные промежутки времени он останавливался, прислушивался и принимался, не потянет ли в воздухе запахом Дыма. Он начинал все больше и больше походить на хищное животное.

Последние кустики остались позади. Впереди ни одна тень не мелькала на открытом просторе. Тайственные шорохи доносились с Севера с легкими вздохами ветра.

Вдруг он остановился и сжал рукой свою винтовку. Что-то, не похожее на ветер, родилось в ночи. Он сдвинул шапку с ушей и прислушался. И он услышал это вновь — далекий, тонкий свист полозьев.

Сани приближались со стороны открытой равнины, надо было приготовиться действовать. Он снял толстые меховые рукавицы и заменил их мягкими перчатками, осмотрел револьвер, чтобы убедиться, что цилиндр не замерз. Потом он стал на месте, молча выжидая.

Глава II. БИЛЛИ ВСТРЕЧАЕТ ЖЕНЩИНУ

Из мрака медленно выплывали сани. Наконец, в тусклом сумраке они приняли определенные очертания, и Мак-Вей убедился, что они проедут очень близко от него. Постепенно он различил человеческую фигуру, трех собак и одного жоака. Было что-то смущающее в спокойной невозмутимости этого призрака жизни, рождающегося среди ночи.

Он не слышал больше скрипа полозьев, хотя сани были в пятидесяти шагах от него. Фигура впереди двигалась медленно, с опущенной головой, а собаки, запряженные в санки, бежали призрачной линией. Человек и собаки не замечали Мак-Вея и молча смотрели вперед в безбрежный мрак. Пока они не очутились прямо перед ним, он не пошевелился.

В этот момент он быстро выступил, издав громкое восклицание. При звуке его голоса послышался тихий вскрик, собаки остановились, и фигура бросилась назад к саням. Мак-Вей поднял револьвер. Полдюжины шагов — и он был около саней. Белое лицо смотрело на него в мерцающем свете звезд. Мак-Вей в величайшем изумлении встретил взгляд больших черных испуганных глаз на бледном лице, несомненно принадлежащем женщине.

Мгновение он не в состоянии был ни пошевелиться, ни заговорить. Женщина подняла руки, сдвинула назад меховую шапку, и он увидел блестящие в свете звезд волосы. Это была белая женщина. Вдруг в ее лице мелькнуло что-то, от чего мороз пробежал у него по спине. Он опустил глаза на то, на что она оперлась рукой. Это был длинный, грубо сколоченный ящик. Он отступил на шаг.

— Боже! — вскричал он. — Неужели вы одна?

Она опустила голову и с рыданием в голосе произнесла:

— Да... одна.

Он быстро приблизился к ней.

— Я — сержант Мак-Вей из королевской стражи, — произнес он приветливо. — Скажите мне, куда вы идете и как могло случиться, что вы здесь одна — в этой холодной пустыне?

Меховой капюшон упал ей на плечи, и она повернулась лицом прямо к Мак-Вею. Звезды отражались в ее глазах. Это были удивительные глаза, и теперь они были полны страдания. Лицо тоже казалось удивительным Мак-Вею, который уже около года не видел лица белой женщины. Она была молода — так молода, что в бледном мерцании звезд казалась почти девочкой. В ее глазах и губах, в очертании ее подбородка было что-то до такой степени напоминающее другое лицо, о котором он мечтал, что он подошел, взял ее трепещущие руки и спросил опять:

— Куда вы идете?... И как случилось, что вы здесь одна?

— Я шла... туда, — сказала она, указывая движением головы на полосу леса. — Я шла... с ним... с моим мужем...

Голос ее оборвался и, вырвав у него внезапно руки, она подошла к саням и стала лицом к нему. На минуту в глазах ее блеснуло недоверие, точно она боялась его и готова была бороться с ним до смерти. Собаки прижались к ее ногам, и Мак-Вей увидел в свете звезд сверкание их оскаленных клыков.

— Он умер три дня тому назад, — закончила она, собравшись с силами, — и я везу его назад к своим родным в Литл-Сил.

— Но до него двести миль, — сказал Мак-Вей, взглянув на нее, как на сумасшедшую. — Вы умрете.

— Я путешествую уже два дня, — ответила женщина. — Я дойду.

— Два дня по этой снежной равнине?

Мак-Вей взглянул на ящик, жуткий и мрачный в призрачном освещении, падавшем на него. Потом он перевел взгляд на женщину. Она опустила голову на грудь, и ее блестящие волосы рассыпались по плечам. Он увидел, что она плачет.

В эту минуту какая-то волна тепла прошла по всему его существу, он молчал, охваченный величием того, чем дышала эта снежная равнина. Для него женщина была всем, что есть самого великого и прекрасного. Среди тоски и одиночества своей жизни он грезил о женщине, как о неземном существе, и вот перед ним явилось живое воплощение его мечты о женской любви и человеческом благородстве.

Маленькая хрупкая женщина шла навстречу смерти ради человека, которого она любила и который умер. С одной стороны, он знал, что она сумасшедшая. Но ее безумие было безумием любви, которая сильнее смерти, безумием веры, не считавшейся ни с бурей, ни с морозом, ни с голодом. И его наполнило желание подойти к ней, когда она стояла перед ним, склонившись на ящик, обхватить ее обеими руками и сказать ей, что он создал себе мечту о такой любви и жил ею в своем одиночестве. Она смотрела на него, как ребенок.

— Подите сюда, маленькая девочка, — сказал он. — Мы пойдем вместе. Я доставлю вас в целости в ваш Литл-Сил. Вы не можете идти одна. Вы никогда не доберетесь живой до ваших родных. Боже, если б я был на его месте...

Он остановился, встретив испуганный взгляд ее глаз, обращенных к нему:

— Что же?

— Ничего... тяжело человеку умирать и терять такую женщину, как вы, — сказал Мак-Вей. — Подождите, я посажу вас на ящик.

— Собаки не могут везти эту тяжесть, — ответила она. — Я помогала им...

— Если они не могут, я могу, — тихонько засмеялся он и быстрым движением поднял ее и посадил на ящик. Потом он снял с себя мешок, положил его позади нее и передал ей свое ружье. Женщина взглянула прямо на него, повернув к нему бледное смущенное лицо, и положила оружие себе на колени.

— Вы можете убить меня, если я не сделаю того, что должен, — сказал Мак-Вей. Он пытался скрыть счастье, которое испытывал от присутствия женщины, но оно трепетало в его голосе.

Вдруг он остановился, прислушиваясь.

— Что это было?

— Я ничего не слышала, — сказала женщина. Лицо ее смертельно побледнело. Глаза стали совсем черными.

Мак-Вей повернулся к собакам. Он взял конец ремня, держась за который женщина помогала собакам тащить тяжесть, и пустился в путь по равнине. Присутствие мертвеца всегда действовало на него подавляюще, но на этот раз было иначе. Вся дневная усталость прошла и, несмотря на тот предмет, который он помогал тащить, его наполняло какое-то странное чувство гордости — с ним была женщина.

Время от времени он оборачивался и смотрел на нее. Он ощущал ее присутствие, и голос ее, когда она говорила с собаками, звучал для него, как музыка. Ему хотелось издать громкий крик, каким они с Пелетье возбуждали свое мужество, но он подавил это желание и только свистнул. Он удивлялся, как могла женщина с собаками тащить сани. Они глубоко погружались в снег, и это еще увеличивало тяжесть. По временам он останавливался отдохнуть; наконец женщина соскочила с саней и подошла к нему.

— Я пойду, — сказала она. — Тяжесть слишком велика.

— Снег мягкий, — пояснил Мак-Вей. — Идемте.

Он протянул ей руку и с тем же странным взглядом женщина подала ему свою. Она боязливо оглянулась назад на ящик, и Мак-Вей понял ее. Он немного крепче сжал ее пальцы и притянул ее ближе к себе. Рука об руку продолжали они свой путь по снежной равнине. Мак-Вей ничего не говорил, но кровь его огнем переливалась в жилах. Маленькая рука, которую он держал, трепетала и вздрагивала. Раз или два она пробовала ускользнуть, но он крепче сжимал

ее. Наконец она покорно осталась в его руке, теплая и трепещущая. Поглядывая вбок, он видел профиль женщины.

Длинная блестящая прядь выбилась из-под меховой шапки, легкий ветер поднял ее и бросил на его рукав. Тихонько, как вор, он поднял ее к губам, пока женщина смотрела прямо вперед, туда, где постепенно вырисовывалась полоса леса. Щеки его горели отчасти от стыда, отчасти от бурной радости. Потом он выпрямился и стряхнул с рукава прядь волос.

Три четверти часа спустя они добрались до опушки леса. Он все еще держал ее руку. Под лучами звезд, озарявших их, он продолжал сжимать ее, но вдруг он быстро и испуганно поднял голову.

— Что это было?

— Ничего, — сказала женщина. — Я не слышала ничего. Может быть, это ветер шелестит ветвями?

Она отвернулась от него. Собаки, повизгивая, подошли к ящику. С равнины доносились стоны ветра.

— Поднимается метель, — сказал Билли. — Должно быть, я слышал ветер.

Глава III. «В ЧЕСТЬ ЖИВОГО»

Несколько мгновений Билли стоял, стараясь определить тот звук, который не походил на завывание ветра среди равнины.

Он был уверен, что слышал его... слышал что-то совсем близко, точно у своих ног, и это был звук, который он никак не мог объяснить себе. Он посмотрел на женщину. Она не сводила с него глаз.

— Теперь и я слышу, — сказала она. — Это ветер. Он испугал меня. Он издает иногда такие звуки, когда носится по равнине. Несколько времени назад... я подумала... мне показалось... точно я слышу... плач ребенка...

Билли видел, как она прижала руки к горлу, и в глазах ее выражались страх и мука, никогда не покидавшие ее. Он понял. Она была готова продолжать путь под страшные песни ветра. Он улыбнулся ей и заговорил с ней голосом, каким он говорил бы с маленьким ребенком.

— Вы устали, маленькая девочка?

— Да... да... я устала...

— И прозябли и проголодались?

— Да.

— Ну, так мы остановимся в лесу.

Они пошли дальше, пока не дошли до еловой чащи, в которой можно было укрыться от снега и ветра. На земле лежал ковер хвои. В темноте Мак-Вей начал весело насвистывать. Он развязал мешок и постелил одно из одеял на ящик, а другое накинул на плечи женщины.

— Сядьте тут, пока я разведу огонь.

Он сгреб кучку хвои на драгоценный кусок березовой коры и зажег огонь. Потом при мерцающем свете он нашел еще топливо и подбросил в костер, пока пламя не поднялось до его головы. Лица женщины не было видно, но казалось, что она засыпает, пригревшись у огня. Полчаса Мак-Вей собирал топливо, пока не набрал большую кучу.

Потом он выгреб толстый слой угля, и скоро запах кофе и поджаренной ветчины пробудил его спутницу. Она подняла голову и скинула одеяло, покрывавшее ее плечи. Там, где она сидела, было тепло, она сдвинула шапку с головы, и он дружески улыбнулся ей из-за костра. Ее темные с бронзовым отливом волосы упали на плечи и загорелись отсветами огня. Несколько мгновений она сидела, не замечая этого, Устремив глаза на Мак-Вея. Потом она забрала волосы в руки, Разделила на пряди и заплела в тугую косу.

— Ужин готов, — сказал он. — Вы там будете есть?

Она кивнула и первый раз улыбнулась ему. Он принес ветчину, хлеб, Кофе и другую еду из своего мешка и положил их на свернутое одеяло между ними. Он сел против нее, скрестив ноги. Первый раз он заметил, что у нее не черные, как ему показалось раньше, а голубые глаза и на щеках играет румянец. Румянец сгустился, когда он посмотрел на нее, и она опять улыбнулась ему.

Улыбка, внезапно вспыхивавшая в ее глазах, наполняла радостью его сердце, и он не чувствовал вкуса того, что ел. Он рассказал ей о своей службе на мысе Фелертон и о Пелетье, умирающем от одиночества.

— Давно уже я не видел такой женщины, как вы, — признался он. — Для меня это точно подарок небес. Вы не знаете, как я одинок! — Голос его дрожал. — Хотелось бы мне, чтобы Пелетье увидел вас, хотя бы на минуту, — прибавил он. — Он бы снова ожил.

Что-то в мягком блеске ее глаз побуждало его говорить дальше.

— Может быть, вы не представляете себе, что значит не видеть белой женщины все... все это время, — сказал он. — Не думайте, что я сошел с ума или что я скажу или сделаю что-

нибудь нехорошее! Я буду стараться сдерживаться, но мне бы хотелось кричать, так я счастлив. Если бы Пелетье мог увидеть вас...

Он вдруг сунул руку в карман и достал оттуда пакет драгоценных писем.

— У него есть, там, на юге, девушка... совсем такая, как вы, — сказал он. — Это от нее. Если я вовремя принесу их, ему, они спасут его. Ему нужны не лекарства. Ему нужно увидеть женщину, услышать звук ее голоса, коснуться ее руки.

Она встала и взяла письма. Он видел в свете костра, что она дрожала.

— Они женаты? — спросила она.

— Нет, но они поженились, — вскричал он с торжеством. — Она самая чудесная девушка в мире, кроме...

Он замолчал, и она закончила за него.

— Кроме другой девушки, которую любите вы.

— Нет. Я не то хотел сказать. Вы не подумаете, что это нехорошо, если я все-таки скажу? Правда? Я хотел сказать — кроме вас. Вы вышли из мрака, точно ангел и вдохнули в меня новую надежду. Я был совсем разбит, когда вы явились. Если вы опять исчезнете, и я никогда больше не увижу вас, я до конца жизни буду жить, думая о чем-то хорошем. Я буду счастлив. Знаете, человека отправляют сюда, прежде чем он узнает, что жизнь — это не солнце, не луна, не звезды, не воздух, которым мы дышим. Жизнь — это женщина, только женщина.

Он положил письма обратно в свой карман. Голос женщины звучал ясно и ласково. Билли он казался дивной музыкой, заглушавшей треск костра и завывание ветра в верхушках елей.

— У человека, такого, как вы, должна быть женщина, которая заботилась бы о нем, — сказала она. — Он был такой же.

— Вы думаете о...? — Глаза его обратились на темный ящик.

— Да. Он был совсем такой же.

— Я понимаю, что вы чувствуете, — сказал он и несколько мгновений не смотрел на нее. — У меня тоже было такое... то есть вроде этого. Отец, мать и сестра. Последней оставалась мать. Я был еще почти ребенком — восемнадцать лет... но мне кажется, точно это было вчера. Когда вы оказываетесь здесь и месяцами не видите солнца, а лица белого человека год или больше того, все эти вещи вспоминаются вам, точно они были совсем недавно.

— Они все... умерли? — спросила она.

— Все... кроме одной. Она долго писала мне, и я думал, она сдержит свое слово. Пелли — это Пелетье — думает, что между нами недоразумение, и она напишет опять. Я не говорил ему, что она бросила меня и вышла замуж за другого. Я не хотел, чтобы ему пришло в голову что-нибудь нехорошее по поводу его невесты. Это может случиться, когда человек умирает от одиночества.

Глаза женщины светились. Она немного наклонилась к нему.

— Вы должны быть счастливы, — сказала она. — Если она бросила вас, значит, она была бы недостойна вас... потом. Она не верная женщина. Если бы она была верная, ее любовь не остыла бы, оттого что вы далеко. Это не должно разбивать вашу веру, потому что вера — прекрасна.

Он опять засунул руку в карман и достал оттуда маленький сверток из оленьей кожи. Лицо у него стало совсем детским.

— Это могло бы случиться... если бы я не встретил вас, — сказал он. — Мне бы хотелось объяснить вам... как-нибудь... что вы для меня сделали. Вы... и это.

Он открыл кожаный пакетик и передал ей. Там были крупные голубые лепестки и стебель цветка.

— Голубой цветок! — сказала она.

— Да. Вы знаете, что это? Индейцы называют его И-о-вака или как-то в этом роде. Они верят, что это дух самой чистой и прекрасной вещи в мире. А я назвал его — женщина.

Он засмеялся, и в его смехе прозвучала веселая нота.

— Вы, наверно, считаете меня немного сумасшедшим, — прибавил он, — хотите, чтобы я рассказал вам про голубой цветок?

Она кивнула. В горле ее что-то дрогнуло, но Билли не заметил этого.

— Это было у Большого Медведя, — сказал он. — Я десять дней и десять ночей пролежал в палатке один — я вывихнул себе ногу. Это было дикое и мрачное место среди крутых гор, поросших темными елями. В чаще елей жили совы, и от их крика по ночам кровь стыла у меня в жилах. На второй день я нашел товарища. Это был голубой цветок. Он рос у самой моей палатки, и днем я старался вытащить одеяло и положить его рядом с цветком. Я лежал и курил. А голубой Цветок покачивался на своем стебле и смотрел на меня и говорил со мной на языке знаков, который, мне казалось, я понимал.

Иногда он становился таким веселым и живым, что я смеялся, и мне казалось, что он приглашает меня танцевать. А другой раз он был такой тихий и прекрасный и, казалось, слушал, что говорит лес — он точно мечтал о чем-то. Человек — вы знаете — немного сходит с ума от одиночества. С заходом солнца мой голубой цветок складывал лепестки и засыпал, как ребенок, уставший от дневных игр, и после того я чувствовал себя ужасно одиноким.

Но к тому времени, как я утром выползал из палатки, он всегда просыпался. Наконец мне стало лучше, и я мог уйти. На девятый вечер я последний раз смотрел, как засыпает мой цветок. Потом я лег спать. Солнце вставало, когда я на следующий день вышел в путь. Пройдя немного, я остановился и оглянулся назад. Вероятно, я был еще слаб от болезни, потому что мне хотелось плакать. Голубой цветок научил меня многим вещам, которых я раньше не знал. Он заставил меня подумать. Когда я оглянулся, он весь раскрылся навстречу солнцу и кланялся мне!

Мне показалось, что он звал меня... звал назад... и я побежал к нему... и сорвал его вместе со стеблем... и с тех пор он всегда со мной. Он был моим товарищем, и я знал, что это дух самой чистой и прекрасной вещи в мире — женщины. Может быть, это глупо, но мне бы хотелось, чтобы вы взяли его и сохранили... навсегда... на память обо мне.

Он видел теперь, что ее губы дрожали, когда она посмотрела на него.

— Да, я возьму его, — сказала она. — Я возьму и сохраню... навсегда.

— Я видел в нем женщину... вообще, — продолжал он. — Это глупо, правда? Я рассказывал вам все это, потому что мне хотелось узнать, что с вами случилось и что вы будете делать, когда вернетесь к своим родным. Скажете вы мне это?

— Он умер; это все, — отвечала она. — Я обещала отвезти его домой. Когда я буду там, я не знаю, что я буду делать...

Она перевела дыхание. Легкий вздох вырвался из ее груди.

— Вы не знаете... что вы будете делать?

Голос Билли прозвучал странно даже для него самого. Он встал на ноги и посмотрел на ее склоненную голову. Руки его сжимались, все тело дрожало от внутренней борьбы. С губ рвались слова, но он удерживал их — слова о том, что она слетела к нему, как светлый дух, что в короткие минуты, протекшие со времени их встречи, он пережил целую жизнь и что он любит ее, как ни один мужчина никогда еще не любил женщину. Ее голубые глаза вопросительно взглянули на него, когда он встал.

И вдруг он заметил предмет, о котором он на минуту забыл — длинный, грубо сколоченный ящик за спиной женщины. Его ногти впились в ладони рук, и с глубоким вздохом он отвернулся от нее.

В сотне шагов от костра он нашел голую скалу с вьющейся по ней красной виноградной лозой. Он срезал ножом ветку, и, когда он вернулся к костру, лоза засверкала, точно сноп красных цветов. Женщина встала и молча смотрела на него, когда он положил лозу на ящик. Он обернулся к ней и сказал:

— В честь умершего!

Краска сбежала с ее лица, но глаза ее горели, как звезды. Билли подошел к ней, протянув ей руки. Но вдруг он остановился и снова прислушался.

— Что это было? — спросил он через мгновение.

— Я слышала собак... и ветер, — отвечала она.

— Это, должно быть, у меня в голове, — сказал Мак-Вей. — Мне показалось, что...

Он провел рукой по лбу и оглянулся на собак, крепко спавших около саней. Женщина не заметила дрожи, пробежавшей по его телу. Он засмеялся и схватил топор.

— Ну, теперь примемся сооружать палатку, — заявил он. — Через час начнется метель.

Женщина достала маленькую палатку, он раскинул ее ближе к костру и внутренность ее наполнил густым слоем кедровых и еловых ветвей. Свою собственную казенную палатку он разбил в некотором отдалении, под ветвями елей. Кончив работу, он вопросительно посмотрел на женщину и потом на ящик.

— Если места хватит... мне бы хотелось, чтобы он стоял там... со мной, — сказала она. Пока она стояла, отвернувшись к огню, он втащил ящик в палатку. Потом он подбросил свежих веток в костер и пожелал ей спокойной ночи. Теперь лицо ее было бледно и тревожно, но она все-таки улыбнулась ему. Мак-Вею она казалась самым прекрасным из всего, что есть в мире. В глубине своего существа он чувствовал, что знал ее долгие, долгие годы. Он взял ее руки, заглянул в голубые глаза и сказал почти шепотом:

— Простите вы меня, если я поступлю нехорошо? Вы не представляете себе, как я был одинок, и как я одинок теперь... и что для меня значит увидеть лицо женщины. Я не хочу оскорбить вас и я... я... — его голос немного дрогнул, — я готов был бы вернуть ему жизнь, если бы я мог, именно потому, что я увидел вас, узнал вас и... и полюбил вас.

Она вздрогнула и вздохнула коротким вздохом, похожим на рыдание.

— Простите меня, маленькая девочка, — продолжал он. — Я, может быть, немного сумасшедший. Да, возможно. Но я бы умер за вас, и я провожу вас до вашего дома и... и... что если бы... если бы вы поцеловали меня на прощанье...

Ее глаза не отрывались от его лица. Они сияли синим огнем в свете костра. Она медленно отняла у него свои руки, продолжая смотреть ему прямо в глаза, потом положила их снова на его руки и подняла к нему лицо. Он почтительно склонился и поцеловал ее.

— Да благословит вас Бог! — прошептал он.

Долгие часы после того он сидел у огня. Ветер все усиливался. С севера налетела метель. Кедровые ели стонали над его головой, и он слышал свист урагана на равнине. Но теперь все эти звуки казались ему музыкой, сердце его трепетало и на душе становилось тепло от радости, когда он взглядывал на маленькую палатку, где спала женщина, которую он любил.

Он все еще чувствовал теплоту ее губ, он снова и снова видел мягкий голубой свет, мелькнувший на минуту в ее глазах, и он благодарил судьбу за то счастье, какое она подарила ему. Нежность женских губ и голубых глаз сказали ему, что таит для него жизнь.

В одном дне пути на юг был лагерь индейцев. Он пойдет с ней туда и наймет там бегуна, чтобы отнести Пелетье лекарства и письма. И потом он пойдет... с женщиной... он тихо и счастливо рассмеялся при мысли о той дивной новости, которую он расскажет Пелетье. Поцелуй горел на его губах, блеск голубых глаз чудился ему в отсветах костра, и надежда расцветала в нем.

Было поздно — не меньше полуночи — когда он тоже лег. Под стон и свист метели он погружился в сон.

Проснулся он поздно. Глухой стон наполнял лес. Костер потух. Внутри маленькой палатки было еще тихо, и он спокойно, чтобы не разбудить ее, подбросил ветвей в костер. Он посмотрел на часы и убедился, что проспал около семи часов. Потом он вернулся в свою

палатку, чтобы приготовить что-нибудь к завтраку. В нескольких шагах от палатки он остановился с внезапным удивлением.

На его палатке была прикреплена в виде гирлянды красная виноградная лоза, которую он срезал накануне вечером, а над ней на полотне палатки было написано кривыми буквами:

«В честь живого».

С громким криком он бросился к другой палатке. И с такой же быстротой он понял, что обозначала виноградная лоза на его палатке. Женщина сказала ему таким способом то, чего не могла сказать словами. Она встала ночью, когда он спал, и прикрепила ветку, чтобы он увидел ее утром, когда проснется.

Кровь горячо и радостно переливалась по его жилам и со счастливым смехом, который поднимался со дна его души, он выпрямился, и рука его по привычке оперлась на кобуру револьвера.

Она была пуста.

Он перетряхнул свои одеяла, но револьвера не было. Он взглянул в угол, куда поставил ружье. Оно тоже исчезло. Лицо его побледнело и вытянулось, когда он направился мимо костра к палатке женщины. Приложившись ухом к полотну, он прислушался. Никакого звука не доносилось оттуда: ни звука, ни движения, ни сонного дыхания. И, подобно человеку, опасающемуся увидеть ужасное зрелище, он откинул полу палатки. Постель из хвои, которую он приготовил для женщины, была пуста, рядом с ней стоял длинный грубо сколоченный ящик. Он шагнул к нему. Ящик был открыт и... пуст. Только на дне лежала грудка еловых и кедровых ветвей. В следующую минуту правда предстала перед Мак-Веем во всей своей неприкрашенной жестокости. В ящике была жизнь... и женщина...

Что-то на стенке ящика привлекло его внимание. Это был листок бумаги, приколотый так, чтобы он непременно его увидел. Он схватил его и вышел на свет. Громкий резкий вопль вырвался из его груди, когда он прочел, что написала ему женщина:

«Желаю вам много счастья за то, что вы были добры ко мне. Мы шли навстречу метели — мой муж и я. Нас известили, что вы напали на наш след, и мы увидели ваш костер с равнины. Мой муж сделал этот ящик для меня, чтобы защищать меня от холода и метели. Когда мы увидели вас, мы поменялись местами, и, таким образом, вы встретили меня с моим» покойником «. Он мог бы убить вас двадцать раз, но вы были добры ко мне, и вы остались живы. Пусть когда-нибудь судьба пошлет вам хорошую женщину, которая будет любить вас так, как я люблю его. Он убил человека, но убить не всегда значит быть убийцей. Мы взяли ваше оружие, и метель занесет наши следы. Но вы не будете преследовать нас. Я это знаю. Потому что вы понимаете, что значит любить женщину, и вы понимаете также, что значит жизнь для женщины, когда она любит человека.

Изабелла Дин».

Глава IV. ОХОТА ЗА ЧЕЛОВЕКОМ

Как пораженный громом перечитал Билли еще раз записку, оставленную ему Изабеллой Дин. Он не издал больше ни звука после того вопля, который вырвался из его горла. Он стоял и смотрел на трещащее пламя до тех пор, пока внезапный порыв ветра не вырвал у него из рук клочок бумаги и закружил его в вихре снега.

Потеря записки пробудила его к деятельности. Он попробовал броситься в погоню за бумажкой, потом остановился и рассмеялся. Это был короткий резкий смех, за которым сильный человек прячет свои страдания. Вернувшись к палатке, он заглянул в нее. Он широко откинул полу, чтобы свет входил в нее, и посмотрел на ящик. Несколько часов тому назад этот ящик скрывал Скотти Дина, убийцу. И она — его жена!

Он вернулся к огню и посмотрел на красную лозу, привешенную к палатке, и на слова, которые она нацарапала концом обугленной ветки. „В честь живого“. Значит, в честь него. Что-то неприятное подкатилось к его горлу и какая-то влага, но не от ветра и не от снега наполнила его глаза. Блестящее сражение дала она. И выиграла. Вдруг ему пришло на ум, что то, что она сказала в записке, правда, и Скотти Дин мог легко убить его.

В следующую минуту он удивился, почему тот. не сделал этого. Оставив его в живых, Дин подверг себя большой опасности. Они всего на несколько часов обогнали его, и следы их, наверно, еще не совсем стерты метелью. Притом бегству Дина мешает его жена. Он, несомненно, может преследовать и догнать их. Они захватили его оружие, но ему не первый раз гнаться за человеком без оружия.

В одно мгновение у Билли созрел план. Он обежал вокруг костра и кружил до тех пор, пока не нашел след уехавших саней. Он был виден почти отчетливо. В глубине леса по нему можно будет легко идти. Что-то подвернулось ему под ногу. Это была записка Изабеллы Дин.

Он поднял ее, и глаза его упали на ее последние слова: „Но вы не будете преследовать нас. Я это знаю. Потому что вы понимаете, что значит жизнь для женщины, когда она любит человека“.

Вот почему Скотти Дин не убил его. Это из-за женщины, а она верила в него. Раздумывая, он свернул записку и положил ее в карман, туда, где был раньше цветок. Потом он медленно вернулся к костру.

— Я сказал, что вернул бы ему жизнь, если бы мог, — произнес он. — И я думаю, что сдержу слово!

Он по старой привычке говорил вслух сам с собой — эта привычка легко появляется среди больших открытых пространств. Стоя перед огнем и набивая себе трубку, он рассмеялся.

— О, если б не она... — сказал он, думая о Скотте Дине. — Черт! Если бы тут не мешалась она.

Он набил трубку и разжег ее, вглядываясь в чащу елового леса, куда углубились Скотти и его жена. Одно только оставалось ему — смотреть вслед Скотти Дину. Больше года он был неуловим, как белый отшельник в лесу. Он, Мак-Вей, считался лучшим из всех служащих королевской стражи, его имя было известно от Калгари до острова Гершеля.

Голова Дина была оценена, и человека, который поймает его, ждала слава. Всякий, кто мечтал о повышении, мечтал поймать Скотти Дина. Но когда он подумал об этом теперь, в нем не зашевелился инстинкт охотника за человеком, его кровь согрело какое-то странное братское чувство. Скотти Дин был для него теперь не отщепенцем, стоящим вне закона, даже не просто человеком. Его преследовали как зайца, гнались за ним по пятам, но несомненно в нем есть что-то значительное, если он мог привязать к себе такую женщину, как Изабелла Дин. Мак-Вей вспоминал нежность ее голоса, прелесть ее лица, ласку ее голубых глаз, и первый раз у него мелькнула мысль, что такая женщина не могла любить совершенно дурного человека.

А она любила его. Острая боль пронзила его при этой мысли, но был в ней и оттенок чего-то приятного. В ее мужественной верности было какое-то торжество — даже для него. Она явилась к нему точно дивное видение из метели и ушла подобно призраку. Он был рад. Действительная живая жизнь сменила фантастическую мечту в его сердце — женщина из плоти и крови, верная и прекрасная, как голубой цветок, который он носил на груди.

В эту минуту он готов был пожать руку Скотти Дину за то, что он ее муж, за то, что он настоящий мужчина, заставивший ее полюбить себя. Может быть, сам Дин повесил лозу на его палатку и нацарапал углем эти слова. И, конечно, Дин знал про записку, которую написала его жена. Братское чувство крепло в груди Билли, и мысль об их вере в него наполняла его какой-то гордостью.

Костер опять начал гаснуть, и он обернулся, чтоб подбросить топлива. Глаза его упали на ящик в палатке, и он вытащил его. Он уже готов был бросить его в костер, но остановился и стал внимательно рассматривать его. Откуда он? — с удивлением подумал Билли. Наверное, с другого края снежной равнины, ведь Дин смастерил его, чтобы защитить Изабеллу от жестокого ветра на открытом месте.

Он был сделан из свежего леса, обтесанного топором, концы были связаны тонкими ремнями из оленьей кожи.

Кедровые ветви, положенные на дно для Изабеллы, все еще лежали в нем, и сердце Мак-Вея забилося сильнее, когда он вытащил их. Ведь это постель Изабеллы. Там, где слой ветвей был гуще, лежала ее голова. С внезапно прорвавшимся рыданием он толкнул ящик в огонь.

Ему не хотелось есть, но он сварил кофе и выпил его. До сих пор он как-то не обращал внимания на то, что метель разыгралась еще сильнее. Густые, низко склонившиеся ветви ели умеряли ее ярость. Но за опушкой леса он слышал ее грозное завывание на открытом просторе равнины. Это напоминало ему о Пелетье.

Возбужденный присутствием Изабеллы, а после ее исчезновения горечью разочарования, он почти забыл о Пелетье.

С момента приезда в эскимосскую деревню он потерял два дня. Эти два дня много значили для его больного товарища. Он вскочил на ноги, сунул руку в карман, чтобы удостовериться, что письма целы, и начал укладывать свой мешок. Сквозь деревья до него долетали облака острого сверкающего снега. Они были точно мелкие осколки твердого сахара. Внезапно резкий порыв ветра с силой хлестнул его по глазам, так что он выронил мешок и сделал несколько неуверенных шагов в направлении открытого места.

В сотне шагов от костра он принужден был наклонить голову под порывом ветра и спустить борта меховой шапки на уши и щеки.

Еще через сто шагов он остановился, прислонившись к стволу сломанного дерева. Он взглянул на открытую равнину — сплошной белый крутящийся хаос. На расстоянии пистолетного выстрела ничего не было видно. Юрты эскимосов находились в двадцати милях. Сердце Билли упало. Ему не пройти их.

Ни один человек не может бороться с метелью, дующей прямо на север. Он решил вернуться к костру. Но едва он сделал несколько шагов, как его остановил какой-то странный звук, доносившийся вместе с ветром. Он снова повернулся лицом к снежному простору, и рука его невольно схватилась за пустую револьверную кобуру. Звук повторился, и он узнал его. Это был крик, человеческий голос. В ту же минуту он подумал об Изабелле и Дине. Какое чудо могло привести их обратно?

Какая-то тень стала вырисовываться среди снежного вихря. Через несколько мгновений она приняла ясные очертания. Это была упряжка собак и сани, рядом с которыми стояли три человека. Минуту спустя собаки, увидев Билли, остановились, сбившись в кучу. В тот же момент Билли увидел револьвер, направленный ему прямо в грудь.

— Уберите револьвер, Беки Смит! — крикнул он. — Если вы гонитесь за человеком, так вы напали не на того!

Человек подошел к нему. Глаза у него были красные и усталые. Рука с револьвером опустилась, когда он очутился в двух шагах от Билли.

— Ах, прах вас побери! Это вы! Это Билли Мак-Вей! — воскликнул он.

Смех у него был грубый и неприятный. Беки был капралом и служил на посту Нельсона последний раз, когда Билли слышал о нем. Год назад оба служили вместе и между ними пробежала черная кошка. Билли никогда не упоминал в Норвее о некоторых обстоятельствах, так как, если бы о них узнали в главной квартире, Беки пришлось бы с позором выйти в отставку. Вместо того он вызвал Беки на честный бой и исколотил его чуть ли не до смерти.

Старая ненависть вспыхнула в глазах капрала, когда он взглянул в лицо Билли. Билли не обратил на это внимания и пожал руку двум остальным. Один из них был возчик компании Гудзонова залива, другой — констебль Уокер из Черчилла.

— Я думал, что нам никогда не добраться ни до какого убежища, — сказал Уокер, пожимая руку Вилли. — Мы гонимся за Скотти Дином и не потеряли даром ни минуты. Мы чуть не нагнали его. Следы такие свежие, что их можно носом учуять. Но меня совсем занесло, черт побери!

Собаки вслед за возчиком пробирались к костру. Билли обратился к капралу, когда они тронулись следом за остальными.

— Какая бы была удача для вас, если бы вы встретили меня один на один, Беки, — сказал он, понизив голос, чтобы Уокер не слышал их. — Видите, я не забыл вашей угрозы.

В голосе его, несмотря на смех, звучали стальные ноты. Он знал, что Беки Смит негодяй, который на свое счастье ни разу не попался при своих проделках. В одну секунду в уме Билли мелькнуло воспоминание о том дне в Норвее, когда к нему пришел еле вставший с постели больной тифом француз Руссо и сказал ему, что Беки погубил его молодую жену. Руссо умер через два дня.

Билли до сих пор слышал насмешливый голос Беки, когда он повторил ему обвинения Руссо. Помнил он и последовавшую затем схватку. Мысль, что этот человек преследует теперь Изабеллу и Дина наполняла его бешенством, и когда Уокер ушел вперед, он схватил Беки за рукав.

— Я думал о вас последнее время, Беки, — сказал он. — Думал я также и об этом деле в Норвее и упрекал себя, что не сообщил о нем. Я сделаю это, если вы не повернете оглобли. Я сам иду по следу Скотти Дина.

В следующую минуту он готов был отрезать себе язык за то, что произнес эти слова. Луч торжества вспыхнул в глазах Беки.

— Я так и думал, что мы на верном пути, — сказал он. — Мы чуть не потеряли след из-за этой метели. Хорошо, что мы встретили вас. Насколько он впереди нас? И что, эта скво все еще с ним?

Билли только с презрением махнул рукой. Он ничего не ответил и быстро догнал Уокера. Мысль его работала напряженно. Когда он подошел к костру, собаки уже улеглись, и он заметил, что они сильно измучены. Лицо Уокера стало багровым, глаза почти слиплись от снега.

Возчик полулежал на санях, протянув ноги к огню. Один взгляд убедил Мак-Вея, что и люди и собаки выдержали отчаянную борьбу с метелью. Он взглянул на Беки, и в его голосе не было ни вражды, ни угрозы, когда он заговорил.

— Вам, должно быть, плохо пришлось, товарищ, — сказал он. — Располагайтесь поудобнее. Припасов у меня не слишком много, но если вы достанете, что у вас есть, я вам приготовлю, пока вы оттаете.

Беки с любопытством посмотрел на две палатки.

— Кто с вами? — спросил он.

Билли пожал плечами. Голос его звучал также приветливо:

— Не очень-то мне приятно рассказывать, кто был со мной, Беки, — сказал он смеясь. — Я пришел сюда прошлую ночь, полумертвый от холода и нашел метиса, раскинувшего эту вот палатку. Он встретил меня очень дружелюбно — такой показался мне славный малый. Совсем молодой еще — просто мальчишка. А когда я проснулся сегодня утром, — Билли снова пожал плечами и показал пустую кобуру, — все исчезло: собаки, сани — все, кроме палатки, в том числе и мой револьвер и ружье. Все-таки он был не совсем подлец — провизию он мне оставил. Шутник какой-то, смотрите-ка!

И он показал на лозу, прикрепленную к его палатке.

— „В честь живого!“ — прочитал он вслух. — Нечто вроде напоминания, знаете ли, что он мог бы пристукнуть меня палицей, если б только пожелал. — Он подошел ближе к Беки и сказал добродушно: — Я надеюсь, вы поможете мне наверстать это время, Беки. Скотти Дин, где бы он ни был, в полной безопасности от меня. У меня нет даже ружья.

— Он, наверно, оставил следы, — заметил Беки, пристально взглядывая на него.

— Конечно, вот смотрите!

Когда Беки стал рассматривать след саней, Билли возблагодарил небо, что Дин посадил Изабеллу на сани раньше, чем выехал в путь. Таким образом ничто не выдавало ее присутствия.

Уокер развязал их мешки, и Билли занялся приготовлением обеда. Беки вернулся. На губах его бродила насмешливая улыбка.

— Не понимаю, что с вами произошло, — сказал он. — Почему он не забрал палатку? Очень хорошая палатка, правда?

Он вошел внутрь. Минуту спустя он появился на пороге и кликнул Билли.

— Смотрите-ка! — В голосе его звучала дрожь возбуждения. Глаза горели торжеством. — У вашего метиса чрезвычайно длинные волосы! Не правда ли?

Он показал на один из деревянных кольев, на которых была укреплена палатка. Сердце Билли вдруг точно оборвалось.

Целая прядь длинных распущенных волос Изабеллы зацепилась за кол и несколько темных блестящих волосков остались там, когда она отцепляла ее. На секунду он забыл, что Беки Смит наблюдает за ним.

Он видел перед собой снова Изабеллу, как она последний раз входила в палатку. Ее дивные волосы золотились, озаренные огнем, а глаза еще сияли нежной благодарностью. Он снова ощутил тепло ее губ, прикосновение ее руки, радость ее присутствия. Быть может, именно эти ощущения помешали какому-нибудь подозрительному движению или слову, которым он мог иначе выдать себя. Пока они пронеслись в его мозгу, он успел овладеть собой и со смехом повернулся к остальным.

— Это женский волос, вы правы, Беки. Он мне рассказывал разные забавные истории про какую-то девочку там, у них в деревне, должно быть, не врал.

Взгляды обоих мужчин встретились, не дрогнув. В глазах Беки таилась насмешка, Билли улыбался.

— Я пушусь в погоню за этим французом, как только мы отдохнем немного, — сказал капрал, стараясь скрыть нотку торжества и возбуждения, звучавшую в его голосе. — Вместе со Скотти Дином путешествует женщина, вы знаете? — белая женщина — к северу от Черчилла есть только одна белая. Вы, конечно, стремитесь больше всего получить обратно ваше украденное оружие?

— Еще бы! — вскричал Билли, отражая взгляд насмешливых глаз Беки. — Как вы догадываетесь, мне не очень-то улыбается докладывать, что меня так очистили по дороге. Метис будет ехать по мягкому густому снегу и проследить за ним не представит затруднения.

Он увидел, что Беки несколько сбит с толку его готовностью, и, прежде чем тот успел ответить, он стал поспешно помогать Уокеру в приготовлениях к завтраку. Он вскипятил чай, поджарил ветчину и принес и подогрел свои овсяные лепешки.

Пока все ели, он вскипятил второй котелок чаю и расстелил одеяло в своей палатке. Уокер сказал ему, что они ехали всю ночь.

— Лучше вам отдохнуть час или два, прежде чем пускаться в путь, — предложил им Билли.

Возницу звали Конвей. Он прежде всех принял предложение Билли. Окончив еду, Уокер последовал за ним. Когда они ушли, Беки злобно посмотрел на Билли.

— В чем ваша игра?

— Золотое правило — вот и все, — отвечал Билли, набивая трубку табаком. — Метис встретил меня хорошо и отлично устроил, хотя потом и вознаградил себя за это. Я хочу поступить точно так же.

— А что вы намереваетесь... сделать потом?

Глаза Билли сузились, когда он встретил испытующий взгляд Беки.

— Беки, я не думаю, что вы совершенный осел, — сказал он. — Есть же у вас в голове хоть капелька мозга? В какой угодно тюрьме лучше, чем здесь без ружья. Я надеюсь, что вы поможете мне вернуть мое, догнав метиса, — вы или Уокер. Если вы не хотите, он это сделает. Но лучше пойдите вместе. Я буду поддерживать огонь.

Беки молча встал. Он все еще не доверял гостеприимству Билли, но в то же время он вполне понимал убедительность доводов Мак-Вей и важность той услуги, какой он ждал от них. Он присоединился к Уокеру и Конвею.

Через четверть часа Билли подошел к палатке и заглянул в нее; все трое спали мертвым сном. В ту же минуту движения Билли резко изменились. Он вытащил еще раньше свой мешок из палатки, чтобы очистить больше места. Он быстро сунул в него пару одеял и немного провизии. Потом он зашел в другую палатку. Краска бросилась ему в лицо, и волна горячей крови прошла по его телу.

— Может быть, ты дурак, Мак-Вей, — сказал он с тихим смехом. — Может быть, я и дурак, но я сделаю это.

Он осторожно распутал длинные блестящие шелковистые волосы, запутавшиеся за деревянный кол. Он навил волосы на палец, и они образовали мягкое и блестящее кольцо. Это было все, что у него осталось от Изабеллы Дин, и сердце его забилося, когда он прижал это колечко к своему грубому и обветренному лицу. Он тщательно вложил его в записку Изабеллы и положил в карман и только после этого вернулся к той палатке, где спали трое мужчин. Они не пошевелились.

Кобура Уокера лежала на некотором расстоянии от его руки. На минуту им овладело искушение взять ее и вынуть из нее оружие. Он удержался. Он одержит победу и в этой борьбе с Беки, как в той, и одержит без мошенничества. Он быстро взвалил на плечи сверток и пошел по следу, проложенному Дином. Он шел на лыжах, делая крупные быстрые шаги. В сотне шагов он оглянулся и с минуту смотрел в сторону костра. Потом он пошел опять, и лицо его стало твердым и жестким.

„Если вам суждено быть пойманным, м-р Скотти Дин, — сказал он сам себе, — то это произойдет не потому, что вы оставили здесь свое снаряжение. Ваш покорный слуга сообразил это. Билли Мак-Вей такой человек, что способен сыграть ловкую шутку, даже если у него нет ружья“.

Глава V. БИЛЛИ ПРЕСЛЕДУЕТ ИЗАБЕЛЛУ

С первого момента Билли мог видеть, с какими трудностями собаки прокладывали путь через нанесенные метелью сугробы. В тех местах, где деревья немного редели, Дин сам впрягался в собачью упряжку. Только раз в течение первой мили Изабелла вылезла из саней, там следы человека, саней и собак смешались у покрытой снегом верхушки упавшего дерева.

То обстоятельство, что Дин заставлял жену все время ехать на санках, увеличивало сочувствие Мак-Вей к этому человеку. Возможно, что Изабелла совсем не спала после тяжелого испытания на снежной равнине. Она все время обсуждала с мужем план бегства. Если бы Изабелла могла бежать на лыжах, Дин, вероятно, оставил бы и собак, так как без них легче пробираться по густому мягкому снегу, и следы лыж были бы давно замечены метелью.

Но теперь следы не исчезали. Мак-Вей знал, что ему нельзя терять времени, если он хочет быть уверенным, что перегонит Беки с товарищами. Подозрительный капрал не станет долго спать. У него то преимущество, что он больше отдохнул, но зато лыжи Билли сгладили следы саней, и те будут идти на одну-две мили в час быстрее. Что Беки отправится следом за ним, Билли не сомневался ни минуты. Капрал и без того был наполовину убежден, что следы, начинавшиеся от костра, проложены Дином, и волосы, найденные им в палатке, принадлежат жене убийцы. А Скотти Дин слишком крупная добыча, чтобы терять ее.

Мозг Билли быстрее работал с тех пор, как он пустился в погоню. Он понимал, что Беки в зависимости от обстоятельств может сделать одно из двух. Или он отправится в преследование вместе с Уокером и Конвеем, или пойдет один. Если Уокер и Конвей будут с ним вместе, борьба за поимку преступника пойдет в открытую, — кто первый наложит кандалы на руки Дина, тот и будет победителем. Но если он оставит обоих спутников на стоянке и пойдет один...

Эта мысль была не из приятных. Мак-Вей вообще досадовал, что не взял ружья Уокера. Если Беки пойдет один, то с единственной целью — завладеть Скотти Дином, покончив раньше счеты с ним, Билли.

Он был уверен, что правильно оценивает этого человека и что тот не поколеблется разрешить их старую ссору, всадив в него при первом удобном случае пулю. Метель заметет следы всякого преступления. Скотти Дин будет ему наградой, если только Скотти Дин достанется ему.

При мысли о Дине Билли усмехнулся. До сих пор он как-то не принимал его во внимание, но теперь вдруг ему представилось, что в создавшемся положении есть кроме трагического и некоторый комический оттенок. Он откровенно сознался себе, что в течение долгого времени Дин доказывал, что он даст много очков вперед и Беки и ему самому и что в конце концов в данное время хозяин положений именно Скотти Дин.

Он хорошо вооружен. Он хитер, как лисица, и не даст себя взять голыми руками. Эта мысль скорей обрадовала, чем испугала Билли. Дину придется схватиться с Беки только в том случае, если он, Билли, потерпит неудачу в своей борьбе с капралом. Но если он выйдет победителем...

Губы Билли решительно сжались, и в глазах вспыхнул злой огонек, когда он кинул взгляд назад через плечо. Он не только одержит победу над капралом, но и возьмет в плен Скотти Дина. Это будет состязание двух лисиц, и победа — он был уверен — останется за ним. Никто никогда не будет знать, из-за чего затеял он эту игру и какую цель имеет он в виду. Беки никогда не угадает этого. Но в глубине души он думал и надеялся, что Изабелла поймет это.

Чтобы спасти Дина, спасти Изабеллу, он должен вырвать их из рук Беки Смита и сделать собственными пленниками. Это будет жестокое испытание. Перед ним встал образ Изабеллы, крушение ее веры в него, ее лицо, бледное и искаженное страданием, голубые глаза, горящие ненавистью к нему. Но он чувствовал теперь, что может одолеть все это. Один момент —

последний — когда она узнает и поймет, что он остался верным, вознаградит его за все, что он вынесет.

Он шел уже около часа и наконец остановился там, где полужанесенные следы погрузились в замерзшее болото. Здесь Изабелла встала с саней и пошла по колею. В тех местах, где кедры и ели осыпали землю густым слоем хвои, он различал отпечатки ее мокасин. Дин вел собак среди снежной мглы, и дважды Билли находил обгорелые спички там, где тот останавливался посмотреть на компас. Он держал путь прямо на запад.

В конце болота след сбегал к озеру, Дин вел свою упряжку наперерез ему. Метель начала утихать. Ветер дул теперь на юго-восток, и мелкий острый снег сменился более мягким и густым. Билли содрогнулся, подумав, что должно было делаться на этом озере несколько часов назад, когда Изабелла и Дин пересекали его в густой тьме метели, свирепствовавшей, как ураган.

Озеро имело не меньше полумили в поперечнике, и в пятидесяти шагах от берега след был совершенно занесен. Билли не терял времени на розыски признаков его на открытом месте, но прямо держал путь на полосу леса на противоположном берегу и, поднявшись на откос, углубился в чашу леса. Он легко напал на след. Через полчаса он остановился. Ели и кедры густо нависли над ним, стряхивая на него снег. Здесь Скотти Дин раскладывал костер. Около самого обгорелого места была груда кедровых ветвей, на которых сидела Изабелла. Скотти вскипятил котелок чая, а потом выплеснул чайники на снег.

Теплые тела собак оставили углубления в снегу вокруг костра, и Билли предполагал, что беглецы провели здесь несколько часов. Они сделали восемь миль среди вьюги, и сердце его сжалось от боли, когда он подумал об Изабелле Дин и о тех страданиях, какие он причиняет ей. На мгновение в нем шевельнулось отвращение к той вещи, представителем которой он был здесь — к закону.

Не раз уже ему приходило на ум, что наказание было больше, чем преступление. Изабелла страдала и страдает гораздо больше, чем если бы Дин был схвачен и повешен год назад. И сам Дин терпел гораздо большее наказание, чем смерть, видя страдания женщины, сохранившей верность ему. Сердце Билли стремилось к ним, когда он смотрел на груду хвои и черное место костра.

Ему хотелось бы вернуть им жизнь, свободу, счастье и руки его крепко сжимались, когда он вспоминал о своей решимости пожертвовать всем, даже своей честью, ради женщины, которую он полюбил.

Через четверть часа после того, как он нашел их стоянку, он снова пустился в погоню. Он заметил, что след Скотти Дина шел теперь гораздо прямее и не делал зигзагов и петель. Это доказывало, что, когда они покинули привал, уже рассвело. Изабелла теперь шла, и сани двигались быстрее. Билли тоже ускорил шаг и на открытых местах пускался в быстрый бег. Следы были относительно свежие, и к концу второго часа он знал, что они должны быть недалеко впереди него. Он пересек болото, взобрался на гребень возвышения и там остановился. Изабелла должна была измучиться, поднявшись на вершину.

Он мог видеть, что последние шаги Дин помогал ей, а потом она упала на снег, и он подложил под нее одеяло. Они выпили чаю, вскипяченного на костре, и пролили немного на снег. Чай еще даже не совсем заledenел. Билли невольно спрятался за уступ и посмотрел вниз на лесистую долину у его ног. Через несколько минут он начал спускаться.

Он уже почти достиг дна долины, как вдруг остановился как вкопанный с громким восклицанием ужаса. На этом месте склон внезапно обрывался и переходил в отвесный обрыв. В одну секунду он представил себе, что должно было случиться. Дин и Изабелла спускались по снежной насыпи, когда она внезапно провалилась под их тяжестью и они рухнули вниз на камни.

Не простоял он и минуты, как до него донесся откуда-то издалека сзади странный звук. Конечно, это собачий лай. Беки и его товарищи гонятся за ним на санях.

Он повернул немного налево, чтоб обойти обрыв и пустился, не раздумывая больше, вниз. Только когда он убедился, что Скотти Дин с упряжкой выбрался из сугроба, Билли вздохнул с облегчением. Он вытер холодный пот, выступивший у него на лице от испуга, и присмотрелся к отпечаткам мокасин на том месте, где Дин поднимал сани. Или Изабелла, или Дин получили повреждение во время падения, быть может, легкое. В сотне шагов от обрыва сани снова остановились, и дальше ехал Дин, а Изабелла шла.

Он двигался теперь осторожнее. Еще через сотню шагов он остановился и втянул в себя воздух. Впереди ели и кедры росли теснее и гуще, и он чувствовал, что какой-то запах доносился до него оттуда. Сначала он подумал, что это запах смолы. Но минуту спустя он уже твердо знал, что это дым.

В силу привычки он в сотый раз схватился за пустую кобуру. Отсутствие оружия еще увеличило предосторожности, с которыми он приближался к чаще деревьев впереди. Под прикрытием нависших, занесенных снегом ветвей, он свернул под прямым углом к следу и начал описывать широкий круг. Он действовал быстро. Через полчаса Беки доберется до перевала. То, что он намеревался сделать, должно быть окончено ранее. Через пять минут до него донеслись первые струйки дыма, и он начал сворачивать к костру.

Его смущало безмолвие. Он был уже близко, но не слышал ни звука человеческого голоса, ни собачьего лая. Наконец он достиг такого места, откуда, спрятавшись за молодую ель, он мог видеть костер. Он был не больше чем в тридцати футах от него. Он задержал дыхание, увидев то, что было перед ним. У самого огня на одеяле лежал Скотти Дин, положив голову на мешок. Никаких признаков Изабеллы, саней и собак не было видно. Сердце Билли замерло. Он не мог терять времени, раздумывая, куда могла деваться Изабелла с собаками.

Дин лежал один, спиной к нему. Судьба не могла послать ему более благоприятного случая. Его мокасины быстро и мягко шагали по снегу. Он был в каких-нибудь шести шагах, когда раненый услышал его, и тот едва успел пошевелиться, как Мак уже стоял над ним. Он сам удивился той легкости, с какой он повалил Дина на спину и надел ему кандалы на руки. Раньше чем он отдал себе отчет, как все это случилось, дело уже было сделано. Голова Дина была обвязана тряпкой, и сквозь нее сочилась кровь. Он казался совершенно обессиленным. Он посмотрел на Билли остановившимся взглядом и, сообразив, что случилось, издал тихий стон.

В следующее мгновение Билли был уже на коленях около него. Он дважды видел раньше Дина в Черчилле, но тут он первый раз заглянул так близко в его лицо. Это было лицо, совершенно измученное усталостью и душевными страданиями. Щеки провалились и серые стальные глаза, глядевшие теперь на Билли, покраснели от долгих месяцев борьбы с метелями, это было лицо не преступника, а именно человека такого сорта, какому Билли всегда доверял. Белокурый, бесстрашный, полный той спокойной силы, которая сочетается с правдивостью и честностью в борьбе.

В ту же секунду Билли понял, почему этот человек не убил его, когда имел к тому возможность. Дин был не из тех, кто наносит удар в темноте или сзади. Он оставил Билли жизнь, потому что верил в человека, и мысль, что он сам разрушил веру Дина, напав на него, когда он лежал на земле, раненый, наполнила сердце Билли горьким стыдом. Он схватил руку Дина.

— Мне самому отвратительно то, что я сделал, старина, — заговорил он быстро. — Скверно надевать эти штуки на раненого. Но мне поневоле пришлось решиться на это. Я бы ни за что не пошел за вами — клянусь честью — если бы Беки Смит и двое других не напали на ваш след на старом привале. Они бы наверно догнали вас. И ей бы несдобровать тогда. Поняли? Ей бы пришлось плохо. И тогда я решил опередить их и захватить вас сам. Я хочу, чтоб вы поняли. И вы поймете, надеюсь. Вы ведь слышали, что я говорил, так как я не сомневался, что вы-таки по-настоящему мертвы, и, небом клянусь, я так и думал, как говорил. И я бы не пошел

за вами. Но этот Беки — мерзавец и подлец, а мне, может быть, удастся со временем помочь вам. Они будут здесь через несколько минут.

Он говорил быстро, голос его дрожал от волнения, с каким он говорил. Скотти Дин ни на минуту не отводил взгляда от его лица. Когда Билли замолчал, он все еще смотрел на него, пытаясь прочесть по его лицу, правду ли тот говорил. Потом Мак-Вей почувствовал, как рука Дина тихонько сжала его руку.

— Я думаю, что вы честный человек, Мак-Вей, — сказал он. — И я бы хотел, чтобы все это скорее кончилось. Я не сержусь на вас — я знаю, что вы позаботитесь о ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.